

ХИЩНИК

The poster features a close-up of a woman's face on the left, her eyes closed, and a man's profile on the right. A brown envelope is positioned between them, slightly above the center. The background is dark and blurry, suggesting an indoor setting. The title 'ХИЩНИК' is at the top in large, blue, textured letters.

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

ХИЩНИК

<https://litres.ru/74082548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был хищником, который пожирал чужие судьбы за деньги. Теперь он — сам добыча.

Опер по прозвищу Шакал не верит в совпадения. Двадцать лет службы приучили его к одному: любая пропажа — это либо побег, либо развод. Когда старый профессор приходит с заявлением об исчезновении дочери, Шакал отмахивается от него, прячет конверт с деньгами в стол и закрывает дело.

Через три дня девушку находят мёртвой. Но убийца не прячется — он начинает присылать Шакалу улики, доказывающие, что смерть можно было предотвратить. Фотографии. Записи. Предметы, которые связывают Шакала с его прошлыми грехами. Маньяк играет с ним, как кошка с мышью, и каждый новый «подарок» стягивает петлю на его шее.

Коллеги готовы списать всё на халатность. ФСБ заинтересовалось странными совпадениями. А убийца оставляет послания только для него одного.

Содержание

Пролог. Вскрытие	4
ЧАСТЬ I. «ЗАПАХ ОТЧАЯНИЯ»	9
Глава 1. Приёмная	9
Глава 2. Конверт	20
Глава 3. Ботанический сад	31
Глава 4. Архив	41
Глава 5. Вокзал	53
Глава 6. Обратный отсчёт	63
Глава 7. Завод	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ольга Ефимова

ХИЩНИК

Пролог. Вскрытие

Он любил запах хлороформа. Не сам запах, а то, что он делал со временем. Время под хлороформом текло медленно, как патока, и этого было достаточно, чтобы сделать все аккуратно.

Девушка лежала на лабораторном столе. Ее руки были вытянуты вдоль тела, пальцы чуть подрагивали — последние электрические импульсы уходящего сознания. Свет люминесцентных ламп над головой выбеливал ее кожу до прозрачности, делал ее похожей на статую из холодного фарфора. Он поправил прядь каштановых волос, упавшую на ее лицо. Жест получился почти нежным.

— Тш-ш-ш, — прошептал он, хотя она уже не слышала. — Тише, Анна. Твой отец сейчас сидит в своем кресле и думает, что ты задерживаешься на работе. Он еще не волнуется. Он начнет волноваться через четыре часа.

Он достал из кармана белого халата маленький диктофон и положил его на столик рядом с ней. Красная лампочка записи зажглась, и он наклонился к микрофону.

— Сегодня я хочу поговорить о коррупции. О людях, ко-

торые носят погоны и продают чужие жизни, как дешевый товар. Один из них — Шакал. Ты ведь знаешь его, Анна? Нет, ты не знаешь. Ты даже не слышала этого прозвища. Но твой отец сегодня отнесет ему тридцать тысяч рублей, и Шакал сделает вид, что потерял твое дело.

Он усмехнулся и посмотрел на часы на стене. Секундная стрелка дергалась, отсчитывая минуты, которые она могла бы провести в безопасности, если бы Шакал сделал свою работу.

— Я даю ему шанс, Анна. Видишь, какой я добрый? Если он подпишет заявление, если он откроет дело и начнет искать тебя сегодня ночью — я отпущу тебя. Я просто исчезну. У меня есть еще два часа.

Он взял шприц с прозрачной жидкостью и провел иглой по внутренней стороне ее локтя. Вена набухла, и он осторожно ввел препарат. Дыхание девушки стало ровнее, мышцы расслабились. Она не чувствовала боли. Это было важно — чтобы она ничего не чувствовала. По крайней мере, пока.

— Но он не подпишет, — продолжил он, глядя на застывшее лицо Анны. — Я знаю его лучше, чем он сам. Шакал возьмет конверт, сунет его в карман и скажет твоему отцу: «Подождите пару дней». Через три дня они найдут тебя в парке. И я пришлю ему твою фотографию — ту, где ты еще живая, с этим диктофоном, с этими часами. Чтобы он знал: я все видел. Я знаю, что он взял деньги. Я знаю, что он предпочел отдых правде.

Он замолчал. В тишине лаборатории слышно было только гудение вентиляции и ее дыхание — замедленное, почти отсутствующее.

— Ты красивая, Анна. Ты очень красивая. И ты даже не представляешь, как много могла бы сделать. Твоя диссертация перевернула бы мир. Но мир пока не готов к таким переменам. А ты — не готова к тому, что твой собственный отец не может найти тебя за деньги.

Он встал, поправил стерильную простыню на ее ногах и отошел к окну. За стеклом — ночной город. Мигающие огни рекламы, пустые трамвайные линии, силуэты людей, которые спешат по домам. Они все думают, что защищены законом. Что есть те, кто их спасет.

— Я покажу Шакалу, что он ошибался, — сказал он, поворачиваясь к Анне. — Я покажу ему, что такое настоящая ответственность. Он считает себя хищником, Шакалом, который рвет жертву. Но в этой игре он — жертва. И он будет бежать, пока не упадет.

Он подошел к столу и взял ее ладонь. Холодная. Бледная.

— Спи, Анна. Ты проснешься через час. И ты будешь кричать. Ты будешь умолять меня. Но никто не услышит — потому что Шакал уже спит. Он пьет виски, обнимает любовницу и забывает о том, что где-то плачет старик.

Он выключил диктофон и положил его в карман. Затем взял ножницы и аккуратно отрезал прядь ее волос. Она упадет в конверт вместе с фотографией. Шакал получит это зав-

тра утром.

— Ты не заслужил прощения, — прошептал он, обращаясь к пустому пространству. — Ты не заслужил смерти, потому что смерть — это слишком легко. Ты заслужил видеть. Слышать. Понимать, что я был рядом, когда ты закрывал глаза.

Он оставил на столе маленькую карточку с одним словом, отпечатанным типографским шрифтом:

«СПАСИБО».

И вышел, бесшумно закрывая за собой дверь. В коридоре горел красный свет аварийного выхода. Он снял халат, повесил его на крючок, надел кепку и двинулся к выходу, смешиваясь с ночной тишиной.

Утром он будет сидеть в кафе напротив отделения полиции, и пить кофе. Увидит, как Шакал въедет на стоянку. Как он будет зевать, хлопать дверцей машины и чесать затылок. Как зайдет в кабинет, увидит конверт на столе и сначала не придаст ему значения. А потом...

Он улыбнулся, вставляя ключ в зажигание.

А потом начнется самое интересное.

Город засыпал. Над парком, где завтра найдут тело, собирались тучи. Первые капли дождя стучали по крыше машины.

— Доброе утро, Шакал, — сказал он, заводя двигатель. — Сегодня ты начнешь понимать, что такое страх.

Машина плавно выехала с парковки, исчезая в мокром ас-

фальте ночных улиц. А через несколько часов он купит газету, развернет её и увидит заголовок: «В ботаническом саду обнаружена девушка без признаков жизни».

И это будет лучшим утром в его жизни. Потому что Шакал больше не уснет спокойно. Никогда.

«Я собираю урожай», — подумал он, сворачивая на шоссе.

«И урожай будет богатым».

ЧАСТЬ I. «ЗАПАХ ОТЧАЯНИЯ»

Глава 1. Приёмная

Шакал проснулся от того, что кто-то настойчиво долбил в дверь его кабинета. Долбил не кулаком — костяшками, с каким-то бюрократическим ритмом, будто выстукивал шифр. Он приоткрыл один глаз и увидел над собой белёсый потолок с трещиной, похожей на карту реки. Второй глаз открывать не хотелось — там, внутри черепа, уже разворачивался маленький, но настырный оркестр ударных инструментов.

— Есть там кто? — раздался приглушённый голос за дверью. — Дмитрий Сергеевич, вы на месте?

Шакал, он же Дмитрий Сергеевич Нечаев, майор полиции, он же для своих — просто Шакал, с трудом приподнялся на локте. Диван, на котором он провёл ночь, был старым, продавленным, пахло потом, табаком и ещё чем-то сладковатым — вчерашним виски, пролитым на обивку. Он посмотрел на часы. Половина десятого. Он должен был быть на работе в девять. Но вчера был день рождения Жеки, и они отмечали его в баре до трёх ночи, а потом Шакал притащился сюда, потому что не хотел видеть жену. Или жена не хотела видеть его — какая разница.

— Иду, иду, — прохрипел он, садясь и растирая лицо ла-

доньями. Щетина колола пальцы. Он бросил взгляд на зеркало, висящее на стене, и увидел своё отражение: опухшие веки, красные белки, давно невымытые русые волосы, торчащие во все стороны. Сорок два года, а выглядит на все пятьдесят. И плевать.

Дверь продолжали долбить. Шакал нашарил под диваном ботинки, натянул их на босу ногу, поднялся и, пошатываясь, пошёл открывать. На пороге стоял стажёр — Паша, зелёный мальчишка лет двадцати, в новенькой форме, которая была ему велика, с треугольным лицом и испуганными глазами кролика, застигнутого фарами грузовика.

— Дмитрий Сергеевич, к вам посетитель, — сказал Паша, стараясь не смотреть на небритое лицо начальника. — Профессор Серебряков. Он уже час сидит в приёмной.

— И что? — зевнул Шакал, демонстративно не прикрывая рта. — У нас пожар? Кто-то умер?

— Нет, но он очень настойчив. Говорит, пропала дочь.

Шакал поморщился. Очередная пропажа. Сбежала с любовником, загуляла, или просто забыла позвонить папёнке. В девяноста процентах случаев так и было. Остальные десять — это реальные неприятности, но они обычно решаются без особого шума. Ему не хотелось иметь дело с перепуганным стариком, который будет требовать, чтобы его бросили на поиски целого отдела.

— Скажи, чтоб подождал, — буркнул Шакал. — Я через пять минут выйду.

Паша кивнул и исчез. Шакал закрыл дверь и подошёл к умывальнику, который был в углу кабинета — позорное наследие советских времён. Он пустил ледяную воду, плеснул на лицо, потом долго смотрел в зеркало на свои глаза — серые, с желтизной вокруг зрачков. Глаза убийцы, говорили ему когда-то. Глаза человека, который перестал чему-либо удивляться.

Он надел рубашку, которую вчера, кажется, снял за неимением свежей, натянул пиджак, в котором ночевал, и провёл ладонью по волосам, чтобы хоть немного пригладить их. Пахло от него вином и несвежей одеждой, но ничего, для приёмной сойдёт. Он вышел из кабинета и направился по коридору в общую приёмную, где сидели посетители.

Отделение было типичным для этого района: обшарпанные стены, дешёвые пластиковые стулья, запах казёнщины и дезинфекции. Из открытого окна тянуло бензином и пылью. На скамейке у стенки сидели двое: тучная женщина с ребёнком на руках — видимо, жаловалась на соседей — и старик, которого Шакал сразу узнал по описанию. Профессор. Серые волосы, аккуратно зачёсанные назад, пенсне на тонкой цепочке, старый, но дорогой костюм, от которого почему-то пахло нафталином. Старик сидел прямо, как аршин проглотил, и нервно сжимал в руках кожаную папку.

Шакал подошёл к стойке, за которой дежурила секретарша Галя — женщина лет пятидесяти, с вечным недовольством на лице.

— Галя, у меня тут бумаги с утра? — спросил он.

— Нет, Дмитрий Сергеевич, только этот гражданин, — Галя кивнула на профессора. — Сидит уже час, не уходит.

Шакал вздохнул и подошёл к профессору. Тот мгновенно вскочил, чуть не уронив папку.

— Майор Нечаев? — голос у него был высокий, дрожащий. — Я — профессор Серебряков, Илья Борисович. Я звонил вчера, мне сказали, что вы занимаетесь пропавшими людьми.

— Занимаюсь, — Шакал окинул его взглядом. — Вы по какому вопросу?

— Моя дочь, Анна, — профессор заговорил быстро, сбивчиво, — она не вернулась домой вчера вечером. Она всегда звонит, если задерживается. Я звонил ей на мобильный — он отключён. На работу звонил — сказали, она ушла в четыре и больше не появлялась. Я уже подал заявление в дежурную часть, но мне сказали подождать трое суток, а я не могу! Она никогда не пропадала, никогда!

Шакал слушал его в пол-уха. Стандартная история. Папаша-наседка, дочка-бунтарка. Может, у неё парень есть, или она решила уйти от отцовского гнёта. Он видел таких тысячи раз.

— Профессор, — перебил он, стараясь говорить спокойно, но с лёгкой усталостью, — давайте по порядку. Возраст дочери?

— Двадцать четыре.

— Замужем? Есть парень?

— Нет, ... то есть я не знаю, но она мне ничего не говорила, она очень скрытная, но...

— Она уходила из дома раньше? Может, уезжала на выходные без предупреждения?

— Никогда! Она очень ответственная, она работает в университете, лаборантом, у неё научная работа...

— Работа — это хорошо, — Шакал почувствовал, что голова начинает болеть. — Слушайте, профессор, в девяносто девяти случаях из ста подобные пропажи заканчиваются через пару дней, когда девушка просто решает проветриться. Тем более, она взрослая, не ребёнок. Давайте я возьму ваше заявление, но официально мы можем начать поиски только через три дня, если она не объявится. Таков порядок.

Профессор побледнел. Его пальцы, державшие папку, дрожали.

— Но я прошу вас... — голос его сорвался. — Я заплачу! — он вдруг сунул руку в карман пиджака и вытащил конверт. Толстый, желтоватый. — Я знаю, как это работает. Я дам вам сколько надо, только найдите её, пока не поздно!

Шакал замер. Конверт был явно с деньгами — много денег. И он знал, что вокруг есть люди. Галя смотрит. Паша, который как раз вышел из кабинета, тарашится. Прямо сейчас брать было нельзя — слишком открыто.

— Профессор, уберите это, — сказал он, понизив голос и стараясь придать ему строгость. — Я не беру денег за службу.

Вы что, подумали, что я какой-то продажный?

Старик сунул конверт обратно, но так и не спрятал — оставил его в папке, которую сжимал перед собой.

— Я прошу вас, майор, — повторил он. — Я чувствую, что с Анной что-то случилось. У меня сердце болит. Пожалуйста.

Шакал вздохнул. Он видел, как старик готов на всё, даже на унижение. И с одной стороны, это вызывало в нём что-то похожее на жалость — давно забытое чувство. Но с другой — он знал, что ввязываться в это дело сейчас — только потерять время. У него и так есть висяки, которые надо закрывать, и «жирные» дела, которые дают реальный доход.

— Давайте так, — сказал он, протягивая руку. — Вы пишете заявление, я его принимаю. Буду держать вас в курсе. Если через два дня она не найдётся — мы начнём розыск по полной.

Он взял папку из рук профессора, заметив краем глаза, как тот неловко пытается сунуть конверт внутрь, будто надеясь, что Шакал всё-таки его заметит и возьмёт. Шакал сделал вид, что не видит.

— Спасибо, — сказал профессор, и в его голосе звучала горькая благодарность обречённого, который уже понял, что его отфутболили, но не хочет терять надежду. — Я буду ждать.

Он вышел из приёмной, и Шакал проводил его взглядом. Худой, ссутулившийся, с папкой в руках, которая теперь со-

держала не только заявление, но и взятку, которую он пытался всучить. Шакал знал — конверт так и останется в папке. Он вернётся в кабинет, откроет, и там будет аккуратно сложенная пачка купюр. Тридцать тысяч, не больше. Подумаешь, мелочь. Но мелочь, которая не пахнет.

— Галя, — повернулся он к секретарше, — у меня больше никого нет?

— Больше нет, — ответила она, не поднимая головы. Она уже всё видела. Она всегда всё видит, но молчит — за это Шакал её и ценил.

Он направился обратно в кабинет, на ходу заглянув в папку. Так и есть — внутри лежал конверт. Он вошёл, закрыл дверь, сел за стол и вытащил его. Прямо сейчас, не откладывая. Запах денег — особенный, чуть сладковатый, с примесью старой бумаги и типографской краски. Он отсчитал — ровно тридцать пять тысяч. Профессор был щедрее, чем казался. Или отчаяннее.

Шакал сунул деньги в ящик стола, под старые ведомости, и взял заявление. Написанное ровным, аккуратным почерком, с датами, временем, приметами. Анна Ильинична Серебрякова, двадцать четыре года, лаборант НИИ физики твёрдого тела, рост 168, волосы каштановые, глаза серо-зелёные. На обороте — фотография. Шакал взял её, повертел. Милое лицо, умные глаза, лёгкая улыбка. Такие девушки часто становятся жертвами собственной наивности. Или наоборот — они слишком много знают.

Он хотел было бросить заявление в сейф к остальным «зависшим», но что-то заставило его задержаться. Он посмотрел на фото ещё раз. Анна. В ней было что-то особенное — не внешность, а взгляд. Словно она видела что-то, что другие не замечали. Или словно она хотела что-то сказать, но не успела.

— Чушь, — буркнул он себе под нос, закрывая папку и бросая её в ящик стола. — Ещё один папаша-истерик.

Он открыл свой ежедневник, посмотрел список дел на день. Надо было съездить на встречу с опером из соседнего района — у них там было дело о краже, которое можно было «решить» за долю. Надо было переговорить с Жекой, чтобы тот подсуетился с документами по старому подозреваемому. И надо было обязательно заехать к любовнице — она вчера была обижена, что он не пришёл к ней, а ушёл пить с Жекой. Бабы — это проблема, которая требует постоянного вложения ресурсов, а ресурсы всегда ограничены.

Он встал, подошёл к окну и посмотрел вниз. На улице начинался день. Люди спешили по своим делам, автомобили стояли в пробке, где-то во дворе лаяла собака. Обычный день в большом городе. И где-то там, может быть, действительно бродит его дочь, или лежит в подвале, или уже мертва. Но это не его дело. Точнее, это его дело, но он решил, что это не его дело, потому что ему платят за то, чтобы он решал, какие дела брать, а какие нет. И сегодня он решил не брать.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он, не оборачиваясь.

Вошел Жека — его напарник и, по совместительству, лучший друг. Евгений Козырев, старший лейтенант, молодой, но уже имеющий репутацию человека, который умеет договариваться. Он был высок, подтянут, всегда хорошо выбрит и пах дорогим одеколоном. Сейчас, однако, он выглядел свежее Шакала, но тоже слегка помятым.

— Шакал, ты чё, вчера так накидался, что до сих пор не отошёл? — Жека хлопнул его по плечу и рухнул на стул. — Галя сказала, к тебе старик приходил. Что хотел?

— Да так, бред, — Шакал отвернулся от окна и сел за стол. — Дочь пропала. Просил найти.

— И что?

— А ничего. Взял заявление, положил в стол. Будет лежать, как и все такие.

Жека хмыкнул, достал сигарету, но закуривать не стал — оглянулся на пожарную сигнализацию.

— И деньги взял? — спросил он почти безразлично.

— Взял, — признался Шакал, и они оба усмехнулись. — Тридцать пять. Не густо, но старик явно не богат. Пенсия у него, наверное, вся.

— А дочка? Красивая?

— Фотку посмотри, если хочешь, — Шакал кивнул на ящик, но не стал открывать. — Нормальная. Но это не наша тема. У нас есть дела поважнее.

— Согласен, — Жека почесал затылок. — Кстати, насчёт

того дела с фирмой «Алмаз» — ты обещал сегодня перетереть с их юристом.

— Помню. — Шакал взглянул на часы. — Через час у меня встреча. А ты пока приведи в порядок отчёт по тому неудачнику, который попался на краже со склада. Я хочу, чтобы он сел по-крупному, а для этого нужны железные доказательства.

— Сделаем, — Жека встал и направился к выходу. — Шакал, а ты в порядке? Выглядишь херово. Может, тебе отдохнуть?

— Я всегда выгляжу херово, это мой стиль, — огрызнулся Шакал, но в голосе не было злости. — Иди уже, не мешай.

Жека вышел. Шакал остался один. Он снова взглянул на ящик, где лежала папка профессора. Что-то внутри него, что-то древнее, что ещё не выжгли годы цинизма, шевельнулось, шепнуло: «А что, если он прав? Что, если с ней, правда, случилось?»

Но он придавил этот голос, как таракана. Сделал себе мысленную заметку: «Завтра посмотрю её дело, если останется время. Или послезавтра. Или никогда».

Он вытащил из нижнего ящика бутылку минералки, сделал глоток, пытаясь унять головную боль. Сегодня он будет делать деньги. Сегодня он будет жить. А всё остальное — пусть горит синим пламенем.

Через час он сидел в кафе с юристом «Алмаза», обсуждал размер «комиссионных» за то, чтобы закрыть дело, которое

могло подставить руководство фирмы. Сумма была солидная — в пять раз больше, чем профессорские жалкие тридцать тысяч. И Шакал чувствовал себя уверенно, спокойно, как хищник, который знает, что он на вершине пищевой цепи.

Он не знал, что в этот самый момент, в подвале старого здания на окраине города, Анна Серебрякова открыла глаза и увидела перед собой холодный блеск лезвия.

Она попыталась закричать, но кляп во рту не давал произнести ни звука. А над ней нависала тень, которая медленно, со вкусом, начала снимать с неё одежду, приговаривая:

— Твой отец заплатил Шакалу, чтобы он тебя искал. Только он не ищет. Он пьёт кофе в кафе и считает чужие деньги. Понимаешь, какая ирония?

Но Шакал не слышал этого. Он пил кофе, смеялся над шуткой юриста и думал о том, как потратит гонорар. Он был абсолютно уверен, что этот день ничем не отличается от сотен других. Что завтра будет так же. Что он неуязвим.

Но он не знал.

Глава 2. Конверт

Утро началось с того, что Шакал проспал. Он открыл глаза в своей постели — нормальной, домашней, с женой рядом, которая уже встала и гремела на кухне посудой. Сначала он не понял, где находится, и несколько секунд тупо смотрел в потолок, пытаясь собрать воедино обрывки вчерашнего дня. Кафе с юристом. Деньги. Потом он вернулся домой, поссорился с женой из-за того, что опять не позвонил, потом выпил ещё и уснул в гостиной. Как он оказался в спальне — не помнил.

Голова болела, но не так сильно, как вчера. Он сел на кровати, потер лицо, посмотрел на будильник — семь сорок пять. Через пятнадцать минут надо быть на работе, но он был майором, и никто не ставил ему табель. Он мог прийти и к десяти. Но что-то внутри, какая-то беспокойная искра, заставила его встать.

На кухне жена, Наталья, стояла у плиты, наливая кофе. Она была ещё красивой — сорок лет, тёмные волосы, стройная фигура, но взгляд у неё был уставший, как у человека, который давно смирился с тем, что муж никогда не изменится.

— Доброе утро, — сказал Шакал, садясь за стол.

Она не ответила, только пододвинула к нему чашку. На столе уже лежал бутерброд с сыром. Она всегда делала ему

завтрак, даже после ссор. Это была её своеобразная форма молчаливого протеста — она делала всё как надо, но без тепла.

— Я вчера пришёл поздно, — начал он, но она перебила:

— Я знаю. Ты всегда приходишь поздно. Или не приходишь вовсе.

Шакал вздохнул. Он не хотел начинать утро с разборок.

— Наташ, давай не сегодня. У меня много дел.

— У тебя всегда много дел, — она повернулась к нему. —

Дим, я не знаю, как долго это будет продолжаться. Ты меня не слышишь. Я тебя уже почти не вижу. Сын приезжает через две недели, и я не хочу, чтобы он видел, как мы живём.

Сын, Михаил, учился в военном училище в другом городе. Шакал видел его два раза в год, и каждый раз испытывал странное чувство — смесь гордости и вины. Он знал, что сын не одобряет его работу. Или его жизнь.

— Я исправлюсь, — сказал Шакал привычную фразу, которая давно потеряла смысл.

— Ты обещаешь это уже десять лет, — она отвернулась.

— Иди уже, не опаздывай.

Он молча допил кофе, съел бутерброд, надел пиджак и вышел. На улице было тепло, но пасмурно. Серое небо, влажный воздух, запах мокрого асфальта. Он сел в свою машину — старый, но надежный «Форд» — и поехал в отдел.

По дороге он пытался думать о делах. О встрече с юристом, о том, как закрыть «Алмаз». О том, что надо бы съез-

дить к старому следователю, который может помочь с одним
висяком. Но мысли всё время возвращались к профессору. К
его дрожащим рукам. К конверту с тридцатью пятью тысяча-
ми, которые лежали теперь в его сейфе, смешавшись с дру-
гими деньгами. И к фотографии Анны. Почему он запомнил
её лицо? Их были тысячи, пропавших, брошенных, забытых.
Почему именно она застряла в памяти?

— Потому что ты становишься старым и сентименталь-
ным, — сказал он себе вслух. — Или потому что у тебя со-
весть проснулась. А её у тебя нет, ты же Шакал.

Он усмехнулся собственной шутке и въехал на парковку у
управления. В отделе уже кипела работа. В коридорах снова-
ли люди, кто-то разговаривал по громкой связи, где-то сту-
чала пишущая машинка. Шакал прошел к своему кабинету,
бросил взгляд на стойку секретарши. Гали не было, может,
ушла в архив. Он открыл дверь ключом и вошел.

На столе, прямо по центру, лежал белый конверт. Обыч-
ный, канцелярский, без марок, без обратного адреса. На ли-
цевой стороне было написано только одно слово печатными
буквами: «ШАКАЛУ».

Он замер. Это было странно. Никто не называл его так
официально, только свои. И никто не мог просто так оста-
вить конверт на его столе — стол всегда закрыт, ключ только
у него. И у Гали. Но Галя бы предупредила. Он открыл ящик
— вчерашняя папка профессора была на месте, конверт с
деньгами тоже. Ничего не пропало. Конверт же появился из

ниоткуда.

Он взял его, повертел. Внутри что-то лежало, похожее на флешку. Он вскрыл конверт, вытряхнул содержимое. Флешка, черная, без опознавательных знаков. И маленькая записка, сложенная вчетверо. Он развернул её. Там было написано тем же печатным шрифтом:

«Посмотри. Ты ещё можешь спасти её. Но ты не захочешь».

Сердце пропустило удар. Шакал сел в кресло, положил флешку перед собой. Он вдруг вспомнил лицо профессора, его глаза, полные отчаяния. И голос, который сказал: «Я чувствую, что с Анной что-то случилось». И свой собственный голос, который ответил: «Подождите три дня».

Он медленно достал ноутбук, включил его. Руки слегка дрожали — он не мог понять, отчего: то ли похмелье давало о себе знать, то ли страх. Он вставил флешку в USB-порт. На экране появилась единственная папка, в ней — видеофайл с названием «Урок_1.mp4».

Шакал нажал воспроизведение.

Экран потемнел, потом загорелся, и он увидел её. Анну. Она сидела на стуле в пустой комнате, стены были бетонными, без окон. Руки связаны за спиной, рот заклеен скотчем. Она была бледная, но глаза её были широко открыты, в них плескался ужас. Волосы растрепаны, на щеке — след от удара. Она пыталась что-то сказать, но скотч мешал. Рядом с ней стоял кто-то невидимый — только рука в чёрной перчат-

ке появилась в кадре и сорвала скотч с её губ.

Анна всхлипнула, шумно выдохнула.

— Пожалуйста, — сказала она, голос был хриплый и прерывающийся. — Пожалуйста, помогите. Меня зовут Анна Серебрякова. Я лаборант НИИ физики твёрдого тела. Меня похитили вчера, в четыре часа дня. Я не знаю, где я. Я не знаю, кто это. Но он сказал, что мой отец пошёл в полицию. Он сказал, что если меня не найдут за два дня, я умру.

Голос за кадром — изменённый, механический, как из синтезатора — произнес:

— Скажи, Шакал, ты помнишь вчерашний день?

Анна замотала головой, но голос повторил:

— Скажи ему, что он взял деньги. Скажи правду.

— Папа дал деньги, — выдавила Анна, плача. — Он дал деньги майору Нечаеву, чтобы он меня искал. Но майор сказал, что я просто ушла из дома. Он не хочет меня искать. Он взял конверт и положил его в стол.

Голос за кадром:

— Молодец, Анна. А теперь скажи ему, что у него есть время до завтрашнего утра. Если он не начнёт поиски, я пришлю ему следующее видео. И оно будет короче.

Анна снова закричала, но голос в кадре сказал «хватит», и видео оборвалось. Шакал смотрел на чёрный экран, не в силах пошевелиться. Пульс стучал в ушах так громко, что заглушал все другие звуки. Он не верил своим глазам. Это было видео, снятое вчера, после того, как он взял деньги.

Профессор успел сходить к нему, потом домой, а кто-то уже похитил Анну и записал это.

Но как? Кто мог знать, что он взял взятку? Кто мог знать, что он сказал профессору? В кабинете были только он и старик, и Галя, но она не слышала их разговора. Жека заходил позже, когда Шакал уже положил папку в стол. Неужели кто-то стоял за дверью и подслушивал? Или в кабинете установлена камера?

Он подскочил с кресла, оглядел потолок, стены. Ничего. Никаких камер. Или они были встроены в пожарный извещатель? Он встал на стул, пощупал пластиковый корпус — обычный, дешёвый, без щелей. Он обвел взглядом комнату: книжный шкаф, сейф, цветок на подоконнике, старенький компьютер. Ничего подозрительного.

То, что он сейчас чувствовал, было чужеродным для его организма. Он не знал этого чувства. Страх? Нет, страха он не боялся. Это было осознание того, что кто-то знает о нём больше, чем он сам. Кто-то наблюдал за ним. Кто-то, кто мог в любой момент оставить на его столе конверт. Кто-то, кто мог войти в его кабинет в любое время. Это было унижительно.

Он закрыл ноутбук, вытащил флешку и сжал её в кулаке. Надо было уничтожить её. Сломать, сжечь, растворить в кислоте. Но если это копия? Если у убийцы есть ещё? И что самое страшное — если он уже опоздал? Профессор приходил вчера утром, а видео было снято вчера вечером. Сего-

дня утро. Если у него есть время только до завтрашнего утра, значит, Анна ещё жива. Или уже нет — он не знал.

Он выбежал из кабинета и направился в туалет. Его начало тошнить от осознания собственной глупости и подлости. Он влетел в кабинку, склонился над унитазом, но его не вырвало — только сухой спазм, холодный пот на лбу, дрожь в коленях. Он оперся о стену, закрыл глаза и попытался успокоиться.

— Спокойно, — шепнул он себе. — Ты Шакал. Ты не из тех, кто паникует. Ты — хищник. Ты переиграешь любого.

Он выпрямился, посмотрел в зеркало на свою бледную рожу, налил воды в ладони, ополоснул лицо. Стекло было холодным, вода — ледяной, и это помогло прийти в себя. Он решил, что сейчас он пойдёт и позвонит профессору. Узнает, не появлялась ли Анна. А потом он выедет на место, где её взяли. Надо понять, кто это сделал.

Он вышел из туалета и почти столкнулся с Жекой.

— О, Шакал, ты уже тут? — улыбнулся напарник. — Я тебя искал. Там начальник вызывает.

— Какой начальник? — Шакал нахмурился. — Громов?

— Он самый. Вчера пришёл какой-то приказ сверху — проверка по линии коррупции. Он хочет всех перетрясти. Ты там, кстати, с профессором не связывался? Мне Галя сказала, что он с утра звонил, спрашивал тебя. Я сказал, что ты будешь позже.

Шакал похолодел. Профессор звонил утром. Что, если он

уже что-то знает?

— Ладно, — сказал он Жеке. — Я к Громову зайду, а потом позвоню профессору. Ты не знаешь, что за проверка?

— Да обычная, как всегда. Из прокуратуры прислали бумагу, надо отчитаться за отказные материалы за прошлый квартал. — Жека пожал плечами. — Мы всегда как-то выкручивались.

Шакал кивнул и пошёл в кабинет Громова. Полковник Громов был человеком старым, с седым ежиком волос и тяжелым подбородком. Он не был коррумпированным в прямом смысле, но смотрел на дела сквозь пальцы, если они не касались его лично. Сейчас он сидел за столом и читал какие-то бумаги.

— Нечаев, заходи, — сказал он, не поднимая головы. — Садись.

Шакал сел. Громов отложил бумаги и посмотрел на него.

— Слушай, тут поступило заявление от профессора Серебрякова о пропаже дочери. Ты вчера его принимал. Почему ты сразу не начал поиски?

Шакал едва не поперхнулся. — Я, товарищ полковник, решил, что это рядовая семейная ссора. Она же взрослая, могла уйти к подруге. Я думал подождать три дня, как положено.

— Три дня, — повторил Громов, и в его голосе послышались металлические нотки. — Ты знаешь, что сегодня в ботаническом саду нашли труп молодой женщины? По приметам — она подходит под описание дочери профессора. Её

уже опознала соседка. Сейчас выезжает эксперт. Ты хочешь сказать, что не видел вчера в этом деле угрозы?

Шакал почувствовал, как пол уходит из-под ног. Тело Анны уже нашли. Сегодня. В парке. Видео, которое он смотрел, было снято вчера, но сейчас её уже нет в живых. И убийца знал это, когда отправлял ему видео. Он хотел показать, что Шакал опоздал.

— Товарищ полковник, — начал Шакал, стараясь говорить ровно, — я не мог знать. Это стандартная процедура. Три дня — это не моя прихоть, это закон.

— Я знаю, — Громов вздохнул. — Но знаешь, что ещё? Профессор утверждает, что он дал тебе деньги, чтобы ты взялся за поиски. И что ты взял их.

Шакал побледнел. Как профессор мог сказать это? Старик сам сунул ему конверт, и Шакал не брал его прилюдно, но взял. Однако он не думал, что профессор будет заявлять об этом. Или на него тоже кто-то надавил?

— Это ложь, — сказал Шакал. — Он пытался дать мне деньги, но я отказался. Я велел ему убрать конверт. Вы можете спросить у Гали, она видела.

Громов посмотрел на него скептически, но не стал настаивать.

— Хорошо. Тогда у тебя есть шанс реабилитироваться. Я даю тебе это дело. Веди его самостоятельно, без Жеки. Свяжись с экспертами, выезжай на место, собирай улики. Если ты действительно не брал денег, ты должен найти убийцу. И

побыстрее, потому что начальство сверху уже заинтересовалось этим трупом. Девушка работала в закрытом НИИ, там могут быть государственные тайны.

Шакал встал, кивнул и вышел. В коридоре он прижался спиной к стене и закрыл глаза. Он получил дело, которого не хотел. Он получил шанс, но этот шанс был ловушкой. Убийца знает, что он взял взятку, и будет давить на него. А теперь он должен расследовать это дело, скрывая от всех, что он замешан. И при этом он должен найти убийцу, который, возможно, смотрит на него в этот самый момент.

Он вернулся в свой кабинет, сел за стол и положил руки на клавиатуру. Внезапно его взгляд упал на угол стола — там лежала ещё одна записка. Её не было, когда он выходил. Кто-то успел зайти и оставить её за те пять минут, что его не было. Он развернул её, снова печатный шрифт:

«Поздравляю, Шакал. Ты получил дело, которое стоило тебе тридцать пять тысяч. Теперь ты будешь бегать за мной. Но знай: я всегда буду на шаг впереди. Твоя семья — в опасности. Твой сын учится в училище, адрес я знаю. Иди и работай. И не вздумай обращаться к своим продажным коллегам. Они тебя не спасут. Они тебя убьют, если узнают правду. Я — твой единственный друг. Но я же — твой худший враг. Начинай игру, Шакал. Ты уже в ней».

Шакал сжал записку в кулаке и, не раздумывая, рванул к двери. Ему нужно было на место преступления. Он должен был увидеть тело. Он должен был понять, кто этот маньяк,

который не только убивает, но и играет с ним, как кошка с мышью.

И ещё он должен был позвонить жене. И предупредить сына. Но как объяснить им, что их жизням угрожает опасность, не говоря правды?

Он сел в машину и, выехав с парковки, набрал номер Натальи.

— Алло? — ответила она.

— Наташ, слушай меня внимательно, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Ты сегодня никуда не выходи из дома. Закрой все двери. Если кто-то позвонит или придёт — никому не открывай. Я приеду вечером, всё объясню.

— Что случилось? — в её голосе прозвучал испуг.

— Пока не знаю точно. Но это связано с работой. Сделай, как я прошу.

Он сбросил звонок и нажал на газ. Машина рванула с места, и он помчался к ботаническому саду, оставляя позади здание управления, где кипела обычная жизнь, где его коллеги, возможно, уже готовили ему нож в спину. Он не знал, кому можно верить. Он не знал, как выкрутиться. Он знал только одно: он в ловушке, и выбраться из неё можно, только найдя убийцу. Но убийца не был просто маньяком. Он был тем, кто знал о Шакале больше, чем он сам знал о себе.

И Шакал, который привык быть хищником, вдруг понял, что стал добычей. И это чувство было хуже, чем любая боль.

Глава 3. Ботанический сад

Ботанический сад находился на юго-западной окраине города, в старом парке, где когда-то были оранжереи, а теперь остались только запущенные аллеи и заброшенные теплицы. Сюда редко заходили горожане — место было небезопасным, особенно вечером. Местные наркоманы облюбовали его для своих сборищ, а бомжи ночевали в разрушенных павильонах. Но убийца выбрал именно это место. И Шакал знал почему. Здесь было легко оставить тело незамеченным до утра.

Он припарковался у главных ворот, перелез через ржавую ограду, потому что ворота были заперты, и пошёл по аллее, разбрызгивая сапогами утреннюю грязь. Вокруг толпились полицейские, эксперты, несколько любопытных из местных, которых отогнали лентой. В воздухе висел запах прелой листвы и сырости. И ещё один запах, который Шакал знал слишком хорошо, — запах смерти. Тяжёлый, сладковатый, приторный, он смешивался с утренним туманом и оседал на одежде липкой плёнкой.

— Нечаев! — окликнул его кто-то из знакомых экспертов.
— Ты зачем сюда? Это же не твой район.

— Теперь мой, — бросил Шакал, проходя мимо. — Громов передал дело.

Эксперт хмыкнул, но ничего не сказал. В полицейских

кругах Шакала не любили, но боялись — у него были связи, которые позволяли ему закрывать глаза на многие вещи. И сейчас эти же связи работали против него, потому что все знали, что он берёт взятки, но никто не мог доказать. А он знал, что завистники только ждут, когда он оступится.

На поляне, в тени старого дуба, лежало тело. Оно было накрыто белой простынёй, но из-под неё виднелись очертания женской фигуры. Шакал подошёл ближе, остановился, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Он не хотел смотреть. Он знал, что там, под простынёй, — Анна Серебрякова, та самая девушка с фотографии, та, чей отец умолял его о помощи. И он отказал.

— Кто нашёл? — спросил он у стоящего рядом сержанта.

— Сторож, в шесть утра. Говорит, собака лаяла, пошёл посмотреть — увидел, вызвал «скорую», но было уже поздно.

— Время смерти?

— Эксперты говорят, между десятью вечера и полуночью.

Шакал сглотнул. Десять вечера. Это было время, когда он сидел в кафе с юристом и обсуждал размер комиссионных. Когда он брал деньги за то, чтобы закрыть глаза на чужие преступления. Когда его дочь — не его, а профессора — умирала.

Он присел на корточки и осторожно приподнял край простыни. Тело Анны лежало на спине, руки были аккуратно сложены на груди, как у покойницы, которую готовят к по-

хоронам. Но это было страшное, извращённое подобие похорон. Её лицо было спокойным — слишком спокойным, как у куклы. Никаких следов насилия, никаких ран. Только неестественная бледность, почти фарфоровая, и тёмные круги под глазами. На шее — тонкая, едва заметная полоса, как от верёвки, но слишком аккуратная.

— Это не просто убийство, — раздался голос за спиной.

Шакал обернулся. Перед ним стоял патологоанатом, старый друг, которого он не видел года два. Аркадий Борисович, седой, с уставшим лицом и острым носом, был одним из лучших судмедэкспертов в городе. И одним из немногих, кто ненавидел Шакала с открытой душой.

— Аркадий Борисович, — сказал Шакал, вставая. — Здравствуйте.

— Здравствуй, Дмитрий Сергеевич, — ответил патологоанатом холодно, без тени улыбки. — Я слышал, ты взялся за это дело. Соболезную. Правда, жертве больше, чем тебе.

Шакал промолчал. Он знал, что Аркадий Борисович был честным человеком в мире, где честность была роскошью. И он знал, что патологоанатом считает его, Шакала, главным злом этого отдела. Но сейчас ему нужна была информация.

— Что скажете? — спросил он, кивая на тело.

Аркадий Борисович натянул перчатки и присел рядом с телом, осторожно приподнял веко Анны.

— Смерть наступила от острой сердечной недостаточности, вызванной интоксикацией. Но не просто интоксикаци-

ей. Её отравили. Медленно, в течение нескольких часов. Я нашел следы редкого алкалоида — аконитин. Знаешь, что это?

— Яд, — сказал Шакал. — Растение.

— Верно. Волчий корень. В малых дозах его использовали для ритуальных целей, в больших — он убивает почти безболезненно, вызывая паралич дыхания. Она не кричала, не мучилась. Она просто заснула и не проснулась. — Аркадий Борисович посмотрел на Шакала. — Кто-то знал, что делает. Кто-то изучал токсикологию. Или кто-то из медицинских кругов.

Шакал кивнул, запоминая детали.

— Что-то ещё?

— Есть, — патологоанатом указал на руки Анны. — Посмотри на её ладони. Видишь?

Шакал приблизился. На ладонях были мелкие царапины, похожие на порезы от стекла или острых камней. И на одном из пальцев — грязь под ногтем. Светло-коричневая, с вкраплениями песка.

— Она пыталась бежать, — предположил Шакал. — Или сопротивлялась.

— Возможно. Но это не всё. — Аркадий Борисович вытащил из кармана маленький пакетик с образцом. — Я взял пробу из-под её ногтя. Там не просто грязь. Там частицы грунта с примесью глины и органики. Я отправил на анализ. Но знаешь, что меня удивило?

— Что?

— Этот грунт похож на тот, что я видел у тебя на даче года два назад. Помнишь, мы с тобой на шашлыки ездили? Там была такая же красноватая глина с песком, не характерная для этой местности. Ты привозил откуда-то.

Шакал побледнел. Дача. Его дача в пятидесяти километрах от города, в лесном массиве, где он отдыхал с семьёй и где редко бывал. Если Анна была там или если убийца принёс грунт с его дачи, чтобы оставить след, — значит, убийца знал, где он живёт. И был у него на участке. Или она была там.

— Это может быть совпадением, — сказал Шакал, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Конечно, — усмехнулся патологоанатом. — Всё может быть совпадением. Но я бы на твоём месте проверил дачу. — Он встал, снял перчатки и бросил их в медицинский пакет. — Я пришлю полный отчёт через день. Но, Дмитрий Сергеевич, есть ещё одна вещь. Я осмотрел её тело очень тщательно. И заметил кое-что странное.

— Что?

— На внутренней стороне бедра, под одеждой, у неё был вырезан кусок кожи. Аккуратно, хирургически. Примерно с ладонь. Кто-то взял у неё образец. Или сделал татуировку, но потом удалил. Не знаю, что это значит, но я подумал, что тебе стоит знать.

Шакал почувствовал, как холодок пробежал по спине. Это

был уже не просто ритуал. Это была системная работа. Кто-то брал образцы. Кто-то изучал её тело, как подопытную мышь. И этот кто-то оставил ей жизнь на несколько часов, чтобы она помучилась, а потом ввел яд, который убивал безболезненно. Это был не маньяк в классическом смысле. Это был кто-то, кто действовал с холодным расчётом.

— Спасибо, Аркадий Борисович, — сказал Шакал. — Я ценю вашу помощь.

— Не благодари, — ответил патологоанатом, направляясь к своей машине. — Я делаю это для неё. А не для тебя. Но знаешь что?

— Что?

— Если ты найдёшь убийцу, я, возможно, перестану считать тебя последним дерьмом. А пока — нет.

Он уехал, оставив Шакала на поляне с телом и чувством полной беспомощности. Шакал отошёл к дереву, прислонился спиной к шершавому стволу и закрыл глаза. В голове роились обрывки мыслей: яд, грунт, вырезанный кусок кожи, видео, записка. Всё это было связано. Но как?

Он открыл глаза и посмотрел на тело. Простыня уже слегка сдвинулась от ветра, обнажая её лицо. Анна выглядела так, будто просто спала. Но она не спала. Она была мертва. И он, Шакал, был причастен к её смерти, потому что взял деньги и отказался искать её, когда она ещё была жива. В его голове всплыл голос убийцы с видео: «Ты взял тридцать тысяч, чтобы не искать её, Шакал. Ты продлил её муки на

три часа».

Три часа. Если бы он сказал «да» профессору, если бы он начал поиски в тот же день, возможно, он успел бы. Возможно, Анна была бы жива. А сейчас он стоял над её телом и чувствовал, как тяжесть вины давит на плечи, как физический груз.

Он отошёл от поляны, вышел за ленту ограждения и закурил. Дрожащими руками он достал телефон и набрал номер профессора. Трубку взяли не сразу. Голос Серебрякова был глухим, сдавленным.

— Алло?

— Профессор, это майор Нечаев.

— Я знаю, — сказал старик. Голос его дрожал, но в нём не было истерики. Только глубокая, всепоглощающая печаль. — Мне уже позвонили. Я знаю, что моей Анны больше нет. Я знаю, что вы не помогли.

Шакал не нашёл, что ответить. Он хотел сказать, что сожалеет, что винит себя, что сделает всё, чтобы найти убийцу. Но слова застряли в горле, как кости.

— Профессор, — начал он, — я должен вам кое-что сказать. Я взял ваши деньги. Я взял конверт. Это правда. Я не хочу, чтобы вы думали, что я был честен с вами.

В трубке повисла тишина. Потом старик тяжело выдохнул.

— Я знаю, что вы взяли, майор. Я сам положил их в папку. Я хотел, чтобы вы искали. Я готов был заплатить любую

цену. Но теперь это не имеет значения. Она мертва. И ничьи деньги не вернут её.

— Я найду убийцу, — сказал Шакал, и голос его прозвучал твёрже, чем он ожидал. — Клянусь вам.

— Не клянитесь, — горько усмехнулся профессор. — Клятвы ничего не значат. Моя дочь умерла, потому что кто-то решил, что она знает слишком много. И знаете что, майор? Я думаю, что вы тоже знаете слишком много. И вы следующий.

Он положил трубку. Шакал смотрел на телефон, по которому раздались гудки, и чувствовал, как холодный пот стекает по спине. Профессор прав. Убийца уже показал, что может добраться до любого. И следующей целью, вероятно, будет тот, кто осмелится копать.

Он затушил сигарету и направился к своей машине. Надо было ехать в управление, оформлять документы, запрашивать экспертизы. Но перед этим — дача. Надо было понять, что там делал убийца. Или кто там был.

Он уже садился в машину, когда заметил под дворником оставленный конверт. Белый, такой же, как тот, что был на столе. Шакал оглянулся — никого. Парк пуст. Он взял конверт, вскрыл. Внутри была фотография — чёрно-белая, старая, снятая явно на плёночный фотоаппарат. На ней был запечатлён он, Шакал, лет двадцать назад, в форме лейтенанта, с широкой улыбкой, стоящий рядом с другим офицером. Майор Селиванов. Его наставник. Тот, кто покончил с собой

после того, как Шакал подписал ложный рапорт.

На обороте фото было написано: «Узнаёшь, Шакал? Я — его сын. Я пришёл забрать то, что ты у него украл. Сначала я забираю твоих. Потом — твою жизнь. Игра продолжается».

Шакал выронил фотографию, и она упала в грязь. Он смотрел на неё, не в силах пошевелиться. Сын Селиванова. Значит, это не просто маньяк, не просто убийца. Это месть. Холодная, рассчитанная, мстительная, в которой он, Шакал, был главной целью. Анна Серебрякова стала лишь инструментом, чтобы напомнить ему о его грехах.

Он поднял фотографию, стёр с неё грязь и спрятал в карман. Потом сел в машину, завёл двигатель и, не глядя в зеркало заднего вида, рванул с места. Ему нужно было в город. Нужно было найти этого сына Селиванова. Но сначала — в управление. Ему нужно было взять старые дела, найти информацию, понять, где живёт тот, кто объявил ему войну.

На выезде с парковки он заметил мужчину в тёмной одежде, стоящего у дерева и смотрящего в его сторону. Мужчина держал в руке телефон, будто снимал. Шакал притормозил, развернулся, но мужчина уже скрылся за кустами. Его не было видно. Шакал вдавил педаль газа в пол, но когда он обогнул дерево, там уже никого не было. Только свежие следы на траве, указывающие в сторону старой оранжереи.

Шакал не стал преследовать. Он знал: его предупредили. Его наблюдали. Вся его жизнь теперь была под прицелом, и каждый его шаг — на плёнке.

Он поехал в управление, сжимая руль так, что побелели костяшки. На заднем сиденье лежала папка с материалами дела, и в ней — фотография Анны, с которой начиналась эта история. Он знал, что она не последняя. Что будут ещё жертвы, если он не остановит убийцу. И он знал, что его собственные коллеги, возможно, уже готовят ему удар в спину.

Но сейчас он должен был идти вперёд. Единственным оружием, которое у него осталось, была правда. Та, правда, которую он так долго прятал от всех, включая самого себя. И он должен был найти её раньше, чем сын Селиванова найдёт его.

Вечером он позвонит жене и скажет, чтобы она уезжала с сыном. Ночью он будет копаться в архивах. А утром начнётся охота.

Шакал, герой опер по прозвищу Шакал, циничный циник, который сливал дела ради взяток, наконец, осознал, что стал добычей. И он будет бороться до конца. Потому что у него нет другого выбора.

Глава 4. Архив

Шакал въехал на парковку управления и заглушил двигатель. Несколько секунд он сидел неподвижно, глядя в лобовое стекло на серое здание с облупившейся штукатуркой. Это место когда-то было его крепостью. Здесь он правил, здесь он чувствовал себя неуязвимым. Теперь оно казалось ему клеткой, где каждый угол мог скрывать камеру, а каждый коллега — быть шпионом убийцы.

Он вышел из машины, запер её и направился к входу. На посту дежурил знакомый сержант, который кивнул ему, но Шакал не ответил. Он прошёл в коридор, мимо кабинетов, где слышались голоса, смех, стук клавиш. Обычная жизнь управления, которая шла своим чередом, пока он, Шакал, разваливался на части.

В кабинете он запер дверь на ключ, опустил жалюзи и сел за стол. Ноутбук был на месте, папка профессора тоже. Он достал флешку — ту самую, с видео — и положил её в сейф, который запер на двойной замок. Потом открыл ящик, где лежал конверт с деньгами. Он взял его, пересчитал ещё раз. Тридцать пять тысяч. Кровные деньги, как он теперь их называл про себя. Он хотел их сжечь, выбросить, но что-то остановило — они могли стать уликой. Или, наоборот, доказательством его вины.

Он закрыл ящик и открыл ноутбук. Надо было найти ин-

формацию о сыне Селиванова. Он помнил, что майор Селиванов — его наставник, которого он подставил пятнадцать лет назад, — был женат и имел сына, примерно ровесника Анны. Тогда мальчишке было лет пятнадцать. Сейчас ему должно быть около тридцати. Шакал не знал его имени, но знал, что Селивановы жили в районе старой промзоны, где были дешёвые квартиры.

Он открыл базу данных МВД, ввёл запрос по фамилии «Селиванов» за последние двадцать лет. Высветилось несколько записей: старые дела, где фигурировал майор Селиванов, его увольнение, свидетельство о смерти — самоубийство, зафиксированное как «несчастный случай на охоте». Шакал знал правду: Селиванов застрелился из служебного пистолета в своём кабинете через неделю после того, как Шакал подписал рапорт, в котором тот обвинялся в получении взятки. Это была ложь, подстроенная Шакалом, чтобы спасти свою шкуру — тогда он тоже взял взятку, и нужно было найти «козла отпущения». Селиванов оказался идеальной жертвой.

Теперь его сын вернулся. Но в базе данных о сыне не было ничего — ни регистрации, ни судимостей, ни даже адреса. Как будто он исчез из системы после смерти отца. Или сменил фамилию.

Шакал постучал пальцами по столу. Если он не может найти его через базу, придётся искать по старым бумагам. В архиве управления, в подвале, где хранились дела двадцати-

летней давности, могло сохраниться личное дело Селиванова, а в нём — анкета с указанием состава семьи. Надо было спуститься туда.

Он уже вставал, чтобы выйти, когда в дверь постучали. Три коротких удара — так стучал только Жека.

— Шакал, открывай! — раздался голос напарника.

Шакал помедлил, потом открыл замок. Жека влетел в кабинет, взволнованный, с красным лицом.

— Ты чё дверь запер? — спросил он, оглядываясь. — У тебя что, там секретное совещание?

— Работаю, — коротко ответил Шакал, садясь на место. — Что случилось?

— А то, что Громов только что вызывал меня. Спрашивал, как мы работаем по тому профессорскому делу. Я сказал, что ты на месте преступления. А он говорит: "А почему Нечаев не доложил о ходе?" Я сказал, что ты только вернулся. А он говорит: "Пусть зайдёт через час". — Жека сел на стул и понизил голос. — Шакал, там что-то не так. Он как-то странно на меня смотрел. Будто знает что-то про тебя.

Шакал почувствовал, как внутри всё сжалось. Громов уже что-то заподозрил. Может, профессор позвонил ему и сказал про взятку. Или кто-то из сотрудников донёс. Или... сам убийца подкинул информацию начальству, чтобы загнать Шакала в угол.

— Ладно, — сказал Шакал, стараясь говорить спокойно. — Я зайду через час. Скажи, что я на месте.

— Ты чего такой бледный? — Жека взгляделся в его лицо.

— Ты в порядке?

— В порядке, — отрезал Шакал. — Жека, у меня к тебе дело. Ты помнишь майора Селиванова? Он работал здесь лет пятнадцать назад.

Жека наморщил лоб. — Селиванов? Это тот, который застрелился? Я слышал о нём, но я тогда ещё не работал. А что?

— Ничего, просто вспомнил. — Шакал не хотел посвящать Жеку в детали. — Ты знаешь, где у нас хранятся старые личные дела сотрудников?

— В архиве, в подвале. Но туда не так просто попасть, там замок, ключ у старшего архивариуса, тётки Маши. Она работает только до обеда, уже ушла. Придётся завтра утром.

Шакал взглянул на часы — половина двенадцатого. Тётка Маша ушла на обед и не вернётся до завтра. Это было плохо. Он не мог ждать до завтра — каждая минута играла против него. Но что делать? Взломать замок? Не вариант — камеры в коридорах всё видят.

— Ладно, — сказал он. — Я разберусь. Ты иди, работай. И ничего никому не говори про Селиванова.

Жека удивлённо поднял бровь, но не стал спорить. Он всегда знал, что Шакал иногда ведёт свои «тёмные» дела, и предпочитал не лезть.

— Как скажешь, — сказал он и вышел, закрыв за собой дверь.

Шакал остался один. Он посмотрел на время — у него был час до встречи с Громовым. За этот час надо было что-то предпринять. Он открыл ноутбук, снова залез в базу данных и поискал старые дела, в которых фигурировал Селиванов как следователь. Одно из них — дело о краже в НИИ «Темп» — было закрыто двадцать лет назад. В нём Селиванов допрашивал какого-то сотрудника, и тот дал показания. В конце дела был список свидетелей. Среди них — жена Селиванова, которую звали Ольга, и сын Максим.

Максим Селиванов. Значит, вот как его зовут. Шакал записал имя в блокнот. Он не знал, есть ли у Максима другое имя сейчас, но это был первый зацеп.

Он решил, что нужно проверить все возможные связи Максима с Анной. Она работала в НИИ физики твёрдого тела, он — сын военного, который мог иметь доступ к закрытой информации. Если Анна работала над секретным проектом, а Максим был связан с этим проектом, то всё сходилось. Но как доказать?

Шакал позвонил в лабораторию, где работала Анна. Секретарь ответила не сразу.

— НИИ физики твёрдого тела, слушаю.

— Здравствуйте, это майор Нечаев из уголовного розыска. Я расследую гибель вашей сотрудницы Серебряковой. Мне нужна информация о её коллегах, особенно о тех, кто работал над совместными проектами.

— Одну минуту, — сказал секретарь. — Я соединю вас с

заведующим лабораторией.

Через минуту в трубке раздался мужской голос.

— Добрый день, майор. Это профессор Лебедев, я веду лабораторией квантовых материалов. Слушаю вас.

— Профессор, скажите, Анна Серебрякова работала над каким-то проектом совместно с другими сотрудниками? Может быть, с кем-то из других организаций?

Лебедев помедлил, как будто взвешивал, сколько можно сказать.

— Она работала над нашей основной темой — хроматография нейтронов. Это закрытая тема, майор. Мы работаем по заказу Министерства обороны. Анна была одним из ключевых сотрудников. У неё был доступ к экспериментальным данным.

— Кто ещё имел доступ к этим данным?

— Я, её непосредственный руководитель, и ещё один аспирант, который помогал ей с обработкой результатов. Его зовут Дмитрий, но он уволился полгода назад.

— А фамилия Дмитрия?

— Селиванов, кажется. Максим Селиванов.

Шакал замер. Максим Селиванов. Он работал с Анной. У него был доступ к её данным. И он уволился полгода назад — как раз перед тем, как Анна начала работать над чем-то, что могло привести к её гибели.

— Спасибо, профессор, — сказал Шакал. — Вы не знаете, где сейчас Селиванов?

— Понятия не имею. Мы не поддерживаем связь после увольнения. Но он был талантливым исследователем. И, если честно, у него были проблемы с руководством. Он часто спорил, утверждал, что мы работаем неправильно. Что наши эксперименты неэтичны.

— Неэтичны? В каком смысле?

— Он считал, что мы используем полученные данные для создания оружия, хотя официально мы говорили о мирных целях. Он был принципиальным. Слишком принципиальным для этой системы.

Шакал поблагодарил и положил трубку. Теперь у него была ниточка: Максим Селиванов, бывший аспирант, который работал с Анной над секретным проектом, уволился полгода назад, и теперь Анна мертва. А отец Максима, майор Селиванов, был тем, кого Шакал когда-то предал.

Он встал из-за стола и подошёл к окну. С улицы доносился шум города, гудки машин, крики людей. Обычный день, который продолжался, несмотря на то, что где-то в подвале лежало тело молодой девушки, а её убийца был где-то рядом.

Надо было найти адрес Максима. Но для этого нужен был доступ к личным делам сотрудников, которые хранились в архиве. А доступ — только у тётки Маши. Или у того, кто может взломать замок.

Шакал достал телефон и набрал номер Лены — своей любовницы, которая работала журналисткой. Она знала многих, могла найти информацию через свои источники. И она

была единственной, кому он доверял, кроме Жеки. Хотя и Жеке он уже не совсем доверял.

— Алло, Дим, — голос Лены был сонным. — Ты звонишь мне днём? Это странно.

— Лена, ты спишь? — спросил он.

— Я работала ночью над статьёй. Что случилось?

— Мне нужна твоя помощь. Ты можешь найти человека по базе данных паспортного стола? Неофициально, через знакомых.

Лена усмехнулась. — Ты же знаешь, я не люблю нарушать закон. Но для тебя, дорогой, я готова. Кого ищешь?

— Максима Селиванова, примерно тридцать лет. Сын бывшего майора Селиванова, который застрелился пятнадцать лет назад. Он мог сменить фамилию.

— Хорошо, я попробую. Но это займёт время. Перезвоню тебе через час.

— Спасибо, — Шакал сбросил звонок.

Час до встречи с Громовым. Надо было подготовиться. Он снова открыл ноутбук, просмотрел свои вчерашние документы по делу «Алмаза». Если Громов спросит, он скажет, что занимался этим делом. Но Громов, скорее всего, спросит про Анну.

Он сидел и ждал. Ждал звонка, ждал момента, когда можно будет спуститься в архив, ждал развития событий. Сердце билось ровно, но в груди росло чувство тревоги, которое он не мог заглушить.

Наконец телефон завибрировал — Лена.

— Нашла, — сказала она. — Максим Селиванов, тридцать один год. Последний адрес регистрации — улица Инженерная, дом 7, квартира 12. Но он съехал оттуда полгода назад, по данным паспортного стола, он не перерегистрировался. Сейчас он, скорее всего, живёт где-то в районе старой промзоны, но точный адрес не указан.

— Инженерная, 7 — это где?

— Это рядом с НИИ, в квартале старых домов. Там живут в основном сотрудники института. Может, он там снимал квартиру.

— Спасибо, Лена. — Шакал чувствовал, как закипает злость. — Ты мне очень помогла.

— Дим, ты в порядке? — спросила она. — Ты звучишь странно.

— Всё хорошо, — соврал он. — Просто устал.

Он сбросил вызов и посмотрел на часы. До встречи с Грозовым оставалось двадцать минут. Этого хватило, чтобы съездить на Инженерную, если поспешить. Или же он должен был сначала встретиться с Грозовым, а потом уже искать квартиру.

Решение было очевидно: он поедет на Инженерную сейчас, а с Грозовым встретится после. Если начальник спросит, он скажет, что проводил оперативные мероприятия. Главное — успеть до того, как убийца заметит его интерес.

Он выбежал из кабинета, проскочил мимо Гали, которая

удивлённо посмотрела ему вслед, и уже через минуту сидел в машине, выезжая на улицу. Адрес был вбит в навигатор: Инженерная, 7. Пятнадцать минут езды без пробок. Он нажал на газ.

Пока он ехал, его мысли скакали от одного к другому. Максим Селиванов — бывший аспирант, который работал с Анной и был против её проекта. Но зачем ему убивать её? Чтобы забрать данные? Или чтобы отомстить Шакалу, используя её как пешку? И почему он оставил следы на даче Шакала? Это было слишком личное.

Он подъехал к старому пятиэтажному дому, обшарпанному, с осыпающейся штукатуркой, где когда-то жили учёные. Подъезд был открыт, воняло кошками и мочой. Шакал поднялся на второй этаж, нашёл квартиру 12 и позвонил в звонок. Никто не ответил. Он постучал — глухо, без ответа. Тогда он осмотрел дверь: замок старый, цилиндрический, можно было попытаться вскрыть. Он вытащил из кармана перочинный ножик и через пять минут возни открыл замок.

Квартира была пустой — абсолютно пустой. Ни мебели, ни вещей, ни следов жизни. На полу лежал слой пыли, в углу валялась пустая коробочка из-под обуви. Шакал прошёлся по комнатам, заглянул на кухню. Ничего. Никаких улик. Только на стене в гостиной был приклеен листок, на котором было написано каллиграфическим почерком:

«Я знал, что ты придёшь, Шакал. Эта квартира — лишь начало. Следующая подсказка на твоей даче. Приезжай се-

годня вечером. Я буду там».

Шакал вырвал листок, сжал его в кулаке. Это была ловушка. Убийца ждал его на даче. Или там был труп, или там была западня. Но выбора не было — он должен был поехать.

Он вышел из квартиры, закрыл дверь и направился к выходу. В коридоре он столкнулся с соседкой — старой женщиной в халате.

— Вы к кому? — спросила она, оглядывая его подозрительно.

— Майор полиции, — сказал он, показывая удостоверение. — Здесь жил Максим Селиванов?

— Жил, — ответила женщина. — Но уехал полгода назад. Сказал, что у него работа в другом городе. Я его почти не видела — всегда был тихий, спокойный. Никто к нему не приходил.

— Спасибо, — сказал Шакал и поспешил к лестнице.

Он выбежал на улицу, сел в машину и уже хотел завести двигатель, как заметил на стекле ещё одну записку, приклеенную изнутри. Он опустил стекло, вытащил её. Печатный шрифт:

«Ты думал, что у тебя есть время? Время вышло. Твой сын сегодня приезжает на выходные. Я знаю его поезд. Будь осторожен, Шакал. За ним могут прийти, если ты не сделаешь всё правильно. Я звоню тебе в девять вечера. Не подведи».

Шакал почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Сын.

Миша. Он должен был приехать сегодня на выходные, но Шакал забыл — он был так занят, что даже не вспомнил. И убийца знал. Знал расписание поезда, знал всё.

Он вдавил педаль газа в пол, разворачиваясь и вылетая на трассу. Теперь у него была цель: найти Мишу до того, как убийца доберётся до него. И спасти его, любой ценой.

Но для этого надо было сначала встретиться с Громовым — потому что если он не явится, начальник поднимет тревогу и всё рухнет. Или он должен был сейчас, сию секунду, мчаться на вокзал.

Шакал нажал на тормоз, остановился посреди дороги, закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Он должен был принять решение. И от этого решения зависела жизнь его сына.

Он выбрал вокзал. Пусть Громов ждёт. Он позвонит Громову и скажет, что у него экстренное дело, а потом примчится к начальству с объяснениями. А сейчас он должен быть на перроне, когда прибудет поезд.

Машина рванула с места, и Шакал влетел в поток машин, обгоняя, сигналив, нарушая все правила. Он должен был успеть.

На горизонте показалось здание вокзала, и он с облегчением выдохнул. Он успеет. Он должен успеть.

Глава 5. Вокзал

Шакал влетел на привокзальную площадь, едва не сбив старушку с тележкой. Он затормозил у самого крыльца, бросил машину на тротуаре, даже не думая о том, что её могут эвакуировать, и побежал внутрь. Вокзал гудел, как встревоженный улей: объявления о прибытии поездов, крики носильщиков, плач детей, гул толпы. Он пробивался сквозь людской поток, оглядываясь по сторонам, выискивая знакомое лицо.

Миша должен был приехать на поезде из Санкт-Петербурга, который прибывал на третий путь. Шакал знал это, потому что сам покупал билет и помнил номер рейса. Теперь он бежал по платформе, вглядываясь в лица пассажиров, выходящих из вагонов.

— Миша! — крикнул он, но голос потонул в шуме.

Он уже почти отчаялся, когда заметил высокого парня в военной форме, с рюкзаком за плечами, который шёл в толпе. Миша. Сын. Сердце Шакала забилося быстрее, и он рванул вперёд, расталкивая людей.

— Миша!

Парень обернулся, и на его лице отразилось удивление, смешанное с настороженностью. Он не ожидал увидеть отца здесь, на вокзале, с таким диким выражением лица.

— Пап? — сказал он, останавливаясь. — Что случилось?

Ты почему такой...

Шакал схватил его за плечи, крепко, почти до боли.

— Сынок, слушай меня внимательно, — сказал он, быстро, сбивчиво. — Я не могу объяснить тебе всё сейчас, но ты в опасности. Тебе нельзя домой. Ты поедешь со мной в другое место.

Миша нахмурился. Ему было двадцать, но он уже был взрослым мужчиной, курсантом военного училища, и не привык, чтобы с ним говорили как с ребёнком.

— Пап, что за бред? Я только приехал, мама ждёт... Ты выпил? Ты в своём уме?

— Клянусь тебе, я трезв, — Шакал говорил быстро, почти шёпотом, оглядываясь по сторонам. — За мной охотятся. Это связано с моей работой. Тот, кто охотится, знает о тебе. Знает, что ты приезжаешь. Он оставил записку у меня на стекле. Ты не можешь ехать домой, пойми!

В глазах Миши мелькнуло недоверие, но что-то в голосе отца — отчаяние, дрожь — заставило его замереть.

— Ты серьёзно? — переспросил сын.

— Серьёзнее не бывает, — выдохнул Шакал. — Идём. Быстро. У меня машина у входа.

Он схватил Мишу за рукав и потащил через толпу. Сын не сопротивлялся, но шёл с неохотой. Шакал постоянно крутил головой, высматривая в лицах прохожих что-то угрожающее. Казалось, что каждый мужчина в тёмной одежде — это Максим Селиванов, и сейчас он выхватит пистолет и нач-

нёт стрелять.

Они вышли на площадь. Машина стояла там же, где Шакал её бросил, и возле неё уже собирались люди, удивлённые безумной парковкой. Шакал открыл дверь, втолкнул сына на заднее сиденье, сам сел за руль и рванул с места, чуть не врезавшись в автобус.

— Пап, ты можешь объяснить, что происходит? — Миша смотрел на него с тревогой. — Это из-за того дела, которое ты вёл? Про ту девушку? Я слышал новости, её нашли мёртвой.

— Да, — выдавил Шакал, вылетая на шоссе. — Но это не просто дело. Это личное. Убийца — сын человека, которого я когда-то подставил. Он хочет отомстить мне, уничтожив всех, кто мне дорог. Ты уже в списке, Миша. Я не могу рисковать.

Сын молчал, осмысливая услышанное. Он знал своего отца как человека, который редко говорил правду о своей работе. Но сейчас в голосе Шакала звучала такая искренняя боль, что Миша не мог не поверить.

— Куда мы едем? — спросил он.

— На дачу, — сказал Шакал, хотя сам не был уверен, что это хорошая идея. Убийца оставил записку, что ждёт его там. Но он не мог везти сына домой — там убийца мог устроить засаду. В гостиницу? Тоже не вариант — его нашли бы по документам. Единственное место, где он мог спрятать сына, была старая лесная хижина, которую он купил много лет на-

зад и о которой никто не знал. Но до неё было два часа езды, и убийца мог перехватить их в дороге.

— Мы едем за город, в лес, — сказал Шакал, меняя маршрут навигатора. — Там я спрячу тебя, а сам вернусь в город, чтобы разобраться с этим.

— А как же мама? — спросил Миша.

— Я уже позвонил ей, сказал, чтобы она была осторожна и никому не открывала. Она в безопасности, пока я не разберусь.

Он не хотел говорить сыну, что убийца уже был у него дома, что он знает, где живёт Наталья. Паника только навредит.

Они ехали молча. Шакал поглядывал в зеркало заднего вида, высматривая хвост. Пока никого не было, но он знал, что убийца может появиться в любой момент. Каждая минута в пути была игрой в русскую рулетку.

Через полчаса они въехали в лесной массив, где начиналась просёлочная дорога. Вокруг было тихо, только ветер шумел в листве да птицы перекликались. Шакал ехал медленно, вглядываясь в сумерки, которые уже начали сгущаться.

— Пап, а может, мы просто уедем в другой город? — предложил Миша. — Сядем на поезд, уедем в Питер, там я тебя спрячу в училище. Нас там не найдут.

— Нельзя, — покачал головой Шакал. — Если я не остановлю его, он найдёт нас везде. Он слишком хорошо подготовлен. Он знает про всё — про взятки, про моё прошлое,

про дачу, про твой поезд. Он умнее нас. И он не успокоится, пока не сделает то, что задумал.

Миша вздохнул, глядя в окно. Лес был густым, дорога всё хуже — колёса машины увязали в грязи. Шакал выругался, когда машина начала буксовать.

— Чёрт, — сказал он, пытаясь выбраться из колеи. — Придётся идти пешком. До хижины километра два.

Они вышли из машины. Стемнело почти полностью, только лунный свет пробивался сквозь кроны деревьев. Шакал взял из багажника старый фонарь, выключил фары, чтобы не привлекать внимания, и они двинулись вглубь леса по едва заметной тропинке.

Ветки хлестали по лицу, под ногами хлюпала сырая земля. Шакал шёл первым, освещая дорогу, а Миша следовал за ним, иногда спрашивая, скоро ли они дойдут. Шакал не отвечал — он напряжённо вслушивался в ночные звуки. Шорох листьев, уханье совы, и где-то вдалеке — звук двигателя. Он остановился, прислушался.

— Ты слышишь? — шепнул он сыну.

— Машина? — спросил Миша.

— Да. Кто-то едет по той же дороге. Быстро. Мы идём быстрее.

Они ускорили шаг, почти бегом пробираясь сквозь чащу. Шакал знал, что если убийца нашёл его машину, то он следует по их следам. Времени было в обрез.

Наконец они вышли на поляну, где стояла старая дере-

вянная хижина. Она была полуразрушенной, с покосившейся крышей и выбитым окном, но внутри было сухо и тепло от старой печи, которую Шакал иногда топил, когда приезжал на охоту. Он вошёл внутрь, зажёл свечу, осмотрелся.

— Оставайся здесь, — сказал он сыну. — Не выходи, не зажигай свет. Я вернусь через пару часов. Если меня не будет, уходи по тропе на север, там через пять километров будет деревня, попроси помощи.

— Пап, я не оставлю тебя, — запротестовал Миша.

— Ты должен, — твёрдо сказал Шакал. — Ты — моя страховка. Если со мной что-то случится, ты должен жить, чтобы рассказать правду. Это приказ. Ты военный, ты знаешь, что такое приказ.

Миша помедлил, потом кивнул. Он снял рюкзак, достал из него армейский нож.

— Возьми, — сказал он, протягивая нож отцу. — Пригодится.

Шакал взял нож, взвесил в руке. Спасибо, сынок. Я справлюсь. А ты помни: никому не открывай, пока не услышишь мой голос. Никому, понял?

— Понял, — тихо сказал Миша.

Шакал вышел из хижины, прикрыл дверь и двинулся обратно к дороге. В руке он сжимал нож, а в кармане — пистолет, который всё ещё был при нём. Он шёл быстро и бесшумно, как хищник, который чует опасность.

Через десять минут он вышел к своей машине. Она стоя-

ла на месте, но рядом с ней был припаркован чёрный внедорожник. Двигатель работал, фары были выключены. Шакал замер, прижавшись к дереву, и стал наблюдать.

Из внедорожника вышел человек. Высокий, в тёмном костюме, с кепкой на голове. Он подошёл к машине Шакала, заглянул внутрь, потом обернулся и посмотрел прямо в сторону леса. В лунном свете Шакал увидел его лицо — молодое, красивое, с резкими чертами. Это был Максим Селиванов. Он был один.

— Шакал! — крикнул он, и голос его разнёсся по лесу. — Выходи! Я знаю, что ты здесь. Ты спрятал сына в хижине. Это глупо, я уже знаю, где он. Я мог бы его убить прямо сейчас, но я хочу поговорить сначала с тобой.

Шакал сжал кулаки. Убийца знает о хижине. Значит, он следил за ними с самого вокзала. Или у него был маячок на машине. Шакал проклял себя за неосторожность.

— Слушай меня, Максим, — крикнул он в ответ, делая шаг вперёд. — Твой отец был хорошим человеком. Я виноват в том, что случилось. Но я не хотел его смерти. Я был молодым, глупым и испуганным. Я подписал тот рапорт, потому что мне приказали. Это не я придумал, это была система.

— Система? — усмехнулся Максим. — Ты врёшь. Ты подписал его, потому что тебе заплатили. Ты всегда брал деньги. Ты продал моего отца за пачку купюр. И теперь ты прошишь пощады? Нет. Я хочу, чтобы ты страдал, как страдал он. Сначала я забираю твоих близких. Потом — тебя. У тебя

есть выбор: или ты сейчас выходишь, и я отпускаю твоего сына живым, или я иду в хижину и убиваю его прямо сейчас, а ты будешь смотреть.

Шакал чувствовал, как холодный пот стекает по спине. Он не знал, что делать. Если он выйдет, он подставит себя и сына. Если нет — Максим убьёт Мишу. Он взвесил варианты и понял, что единственный выход — это попытаться переиграть убийцу. Он должен был выиграть время и заставить Максима отвлечься.

— Хорошо, — сказал он, выходя из-за дерева. — Я здесь. Не трогай моего сына. Я сделаю всё, что ты скажешь.

Максим улыбнулся — холодной, мрачной улыбкой.

— Умный выбор, Шакал. Теперь брось оружие и подойди ко мне.

Шакал вытащил пистолет и пистолет, и нож, и бросил их на землю. Потом медленно пошёл к Максиму, держа руки на виду. Его сердце билось так громко, что казалось, он слышит его в ушах.

Он подошёл ближе, в пяти шагах от Максима.

— Я здесь, — сказал он. — Что дальше?

Максим вытащил пистолет и направил на него.

— А дальше, — сказал он, — ты скажешь мне, где лежат документы по проекту "Нейтрон", которые Анна спрятала перед смертью. Или ты умрёшь, а я всё равно найду твоего сына и убью его.

Шакал побледнел. Документы? Он не знал о них ничего.

Но он понял одно: Максим не просто мстит за отца. Он охотится за формулой, над которой работала Анна. И он готов убивать всех, кто встанет на его пути.

— Я не знаю, где они, — честно сказал Шакал. — Клянись.

— Тогда, — Максим спустил курок, — прощай.

Шакал зажмурился, ожидая выстрела, но вместо выстрела услышал треск веток за спиной и крик Миши:

— Пап! Ложись!

Шакал инстинктивно упал на землю, и в тот же момент раздался выстрел. Пуля пролетела над ним, и Максим, пошатнувшись, упал на колени — Миша выстрелил из его же ножа? Нет, из другого оружия, которое он принёс из хижины. В руке у Миши был старый охотничий карабин, который Шакал держал в хижине. Он успел его найти.

Максим, раненный в плечо, вскочил и побежал к своему внедорожнику. Шакал подхватил свой пистолет и выстрелил, но пуля только пробила стекло. Максим прыгнул в машину и рванул с места, разворачиваясь и уносясь в темноту.

Шакал встал, дрожа от адреналина. Миша подбежал к нему, с карабином в руках.

— Пап, ты цел?

— Цел, — выдохнул Шакал. — Сынок, ты спас мне жизнь.

— Я не мог сидеть там, когда он тебя убивает, — сказал Миша, его голос дрожал. — Я нашёл карабин и побежал.

Шакал обнял сына, прижал к себе. Он понимал, что сей-

час Максим ушёл, но он вернётся. И в следующий раз он будет готов. Но сейчас, в этот момент, Шакал чувствовал только одно: он не один. У него есть сын, который готов сражаться рядом с ним. И это давало ему силы идти дальше.

— Надо уходить, — сказал Шакал, отпуская сына. — Он вызовет подкрепление или вернётся. Мы не можем оставаться здесь.

Они быстро собрались, забрали оружие и бросили машину — Шакал не знал, есть ли на ней жучок. Они двинулись пешком через лес, к деревне, где можно было вызвать такси. А за ними горели фары уехавшего внедорожника, и в ночи слышались отголоски выстрелов.

Шакал знал: эта игра только начинается. И теперь ставки стали ещё выше. Он должен был найти Максима до того, как тот найдёт его. И он должен был найти те документы, за которыми охотился убийца. Потому что, возможно, в них был ключ ко всему.

Но сейчас он должен был вывезти сына в безопасное место. И снова вернуться в город, чтобы продолжить охоту. Потому что, как сказал убийца: "Игра продолжается".

Шакал шёл вперёд, сжимая в руке пистолет, и чувствовал, как закипает внутри злость. Он больше не был жертвой. Он станет охотником.

Глава 6. Обратный отсчёт

Рассвет застал Шакала на окраине города, в дешёвом придорожном мотеле. Они с Мишей добрались сюда пешком через лес, потом на попутке, потом на такси, которое Шакал вызвал с телефона-одноразки. Он заплатил наличными, не оставляя следов. Номер был снят на поддельные документы, которые Шакал держал на чёрный день. Теперь этот день настал.

Миша спал на кровати, укрывшись тонким одеялом. Он был бледен, под глазами залегли тени, но дыхание было ровным — молодость брала своё. Шакал сидел на стуле у окна, сжимая в руках пистолет, и смотрел на просвет, который пробивался сквозь грязные занавески. Он не спал всю ночь — сначала вёл сына через лес, потом проверял, нет ли хвоста, потом обдумывал план. Адреналин давно выветрился, оставив вместо себя только тягучую усталость и холодную решимость.

Он знал, что должен действовать быстро. Максим ранен в плечо — это давало им фору, но не более суток. Раненый зверь опаснее здорового: он не будет играть по правилам, он будет бить наверняка. И первым делом он попытается найти их через старые связи Шакала — через Жеку, через Громова, через кого-то в управлении, кто может быть у него на крючке. Или, что ещё хуже, через жену.

Шакал уже позвонил Наталье ночью, предупредил, чтобы она уезжала к своей сестре в другой город. Она не стала спорить — видимо, в его голосе было что-то, что не оставляло места для возражений. Она уехала на такси, оставив дом пустым. Теперь Шакал мог не бояться за неё, по крайней мере, временно. Но сын был с ним, и это делало его уязвимым.

Он встал, подошёл к кровати и разбудил Мишу.

— Сынок, просыпайся.

Миша открыл глаза, сонно моргнул, потом вспомнил всё и резко сел.

— Пап, мы где?

— В безопасном месте. Но не навсегда. Ты должен оставаться здесь, пока я не вернусь. Никуда не выходи, никому не открывай. Я оставляю тебе пистолет и рацию. Если что-то пойдёт не так, вызывай меня. Я вернусь через несколько часов.

— Ты едешь к нему? — спросил Миша с тревогой.

— Нет, я еду в управление. Мне нужно узнать, кто он такой, где он прячется, и как он связан с проектом «Нейтрон». Только тогда я смогу его остановить.

— Возьми меня с собой, — попросил Миша. — Я умею стрелять, я помогу.

— Нет, — твёрдо сказал Шакал. — Если он узнает, что ты со мной, он использует тебя. Твоё место здесь. Это приказ.

Миша хотел спорить, но увидел в глазах отца ту стальную решимость, которую он раньше не замечал. Это был не тот

циничный, вечно пьяный майор, которого он знал. Это был человек, который боролся за свою жизнь и жизнь своего сына.

— Хорошо, — тихо сказал Миша. — Но обещай, что вернёшься.

— Обещаю, — сказал Шакал, хотя в душе не был уверен, что сможет сдержать слово.

Он вышел из номера, закрыл дверь на замок, проверил, что окна заперты, и направился к такси, которое вызвал заранее. Машина ждала у входа. Он сел на заднее сиденье и назвал адрес управления, но на полпути передумал и попросил остановиться у кафе. Ему нужно было встретиться с Леной, чтобы получить информацию, которую она могла раздобыть за ночь.

Кафе было пустым в этот ранний час. Только бармен протирал стаканы, да в углу сидела Лена, с ноутбуком перед собой и чашкой остывшего кофе. Она выглядела усталой, но глаза её горели — она что-то нашла.

— Дим, — сказала она, когда он сел напротив. — Ты выглядишь как смерть. Что случилось?

— Он пытался убить меня прошлой ночью. И моего сына. Лена ахнула, закрыла рот ладонью.

— Господи, Дим. Что мы теперь будем делать?

— Мы будем действовать. Ты что-то нашла?

Она кивнула, развернула ноутбук к нему. На экране был список людей, связанных с проектом «Нейтрон», который

она составила по своим источникам.

— Я порылась в архивах института через одного знакомого. Проект «Нейтрон» был начат десять лет назад, но его свернули пять лет назад, после того как один из исследователей — твой майор Селиванов — покончил с собой. Официально проект был закрыт из-за недостатка финансирования. Но неофициально... — она понизила голос, — он был передан под контроль военных. Анна работала над ним последние два года. И у неё был доступ к полной документации.

— Что это за документация? — спросил Шакал.

— Это формула катализатора для нейтронного облучения. Если коротко, это оружие нового поколения — компактное, дешёвое, смертоносное. На основе этой формулы можно создать боеголовку, которую можно спрятать в чемодане. Анна была одним из разработчиков. Когда она поняла, что её работа может быть использована во вред, она захотела уйти и забрать данные с собой. Руководство не позволило. Но она успела сделать копии.

— И Максим, — перебил Шакал, — он тоже работал над этим проектом. Или был связан с ним через отца.

— Да, — подтвердила Лена. — Максим Селиванов был аспирантом Анны. Он влюбился в неё, или она в него — я не знаю. Но когда она решила уйти, он предложил ей помочь. И когда она отказалась, он, вероятно, решил забрать данные силой. Он убил её, когда понял, что она не отдаст их добровольно.

— Но он же хотел отомстить мне за отца, — сказал Шакал.

— Это был его главный мотив?

— Сначала да. Но когда он узнал про проект «Нейтрон», его интерес сместился. Он понял, что эти данные можно продать. Или использовать для своих целей. Он стал опасен не только для тебя, но и для государства. Поэтому он не просто маньяк — он террорист. И он действует не один. У него есть сообщники, которые помогают ему следить за тобой.

Шакал задумался. Сообщники. Кто-то из его коллег, кто-то в управлении, кто-то, кто имеет доступ к его кабинету и к его машине. Жека? Нет, Жека слишком прост для такой игры. Громов? Возможно, если ему заплатили. Или кто-то из технического персонала, кто мог установить жучки.

— Ты можешь узнать, кто из сотрудников управления имел доступ к моим делам за последнюю неделю? — спросил он.

— Попробую, — сказала Лена. — Но это займёт время. Дим, ты должен быть осторожен. Если он узнает, что ты его ищешь, он может ускорить события.

— Уже ускорил, — горько усмехнулся Шакал. — Он уже ранил меня, только не пулей, а морально. Но я не сдамся. У меня есть ты и мой сын. Я должен это закончить.

Он встал, собираясь уходить, но Лена остановила его.

— Дим, — сказала она, — я хочу помочь тебе по-настоящему. Не просто информацией. Я могу пойти с тобой, быть связной.

— Нет, — отрезал он. — Ты и так сделала достаточно. Если он узнает о нашей связи, он убьёт тебя. Я не могу этого допустить.

Она хотела возразить, но он уже повернулся и вышел из кафе.

В управление он приехал через час. В коридорах было тихо — только дежурные сидели на постах. Он прошёл к своему кабинету, открыл дверь и замер. Кто-то был внутри. Следы на полу, документы на столе сдвинуты, ящики открыты. Он проверил сейф — деньги были на месте, но флешка исчезла. Её не было. Кто-то её взял.

— Чёрт, — выругался он, закрывая сейф.

Он сел за стол, задумался. Кто мог взять флешку? Только тот, кто знал её ценность. Или тот, кто работал на Максима. Или сам Максим, если он каким-то образом проник в кабинет.

В дверь постучали. Вошёл Жека, с хмурым лицом.

— Шакал, ты, где был? Громов тебя искал. Он в бешенстве. Говорит, что ты не пришёл на встречу вчера, не отвечаешь на звонки. Он хочет тебя видеть прямо сейчас.

— Скажи ему, что я буду через пять минут, — сказал Шакал, стараясь говорить спокойно.

Жека подошёл ближе, понизил голос.

— Шакал, что происходит? Ты сам не свой. Вчера ты рылся в архивах, спрашивал про Селиванова. Сегодня твой стол взломан. Ты влип в какие-то проблемы?

— Жека, — Шакал посмотрел на него в упор, — ты мне веришь?

— Конечно, верю, — ответил напарник, но в его глазах мелькнула тень сомнения. — Но если ты что-то скрываешь, я должен знать. Мы же команда.

— Это не команда, — сказал Шакал. — Это моя личная война. И если ты хочешь помочь — просто делай то, что я говорю. Не лезь в мои дела, не болтай лишнего, и если кто-то будет спрашивать про меня — говори, что я работаю.

Жека кивнул, но по его лицу было видно, что он недоволен.

— Ладно, — сказал он, — как скажешь. Но Громов ждёт.

Шакал встал и направился к кабинету начальника. Полковник сидел за столом, насупленный, сжимая в руках какую-то бумагу.

— Нечаев, — сказал он, не поднимая глаз, — объясни мне, почему ты не явился на встречу, почему не отвечал на звонки, и почему я узнаю от посторонних людей, что ты ведёшь какое-то тайное расследование, не ставя меня в известность?

— Товарищ полковник, — начал Шакал, — я вёл оперативные мероприятия по делу Серебряковой. Я вышел на след убийцы. Мне нужен был доступ к архиву, и я не хотел вас беспокоить без серьёзных оснований.

— Без оснований? — Громов прищурился. — Ты нашёл убийцу?

— Я нашёл его имя, — сказал Шакал. — Максим Селиванов, сын майора Селиванова, который застрелился пятнадцать лет назад. Он работал в НИИ физики твёрдого тела вместе с Анной. Он убил её, чтобы получить доступ к секретной документации.

Громов откинулся на спинку кресла, изучая Шакала.

— И откуда у тебя такая информация?

— Я работал с источниками, — уклончиво ответил Шакал.

Громов помолчал, потом сказал:

— Если ты прав, это очень серьёзно. Мы должны подключить ФСБ. Это дело касается государственной безопасности.

— Я прошу вас, — сказал Шакал, — дайте мне два дня. Я почти у цели. Если я приведу ФСБ сейчас, он испугается и исчезнет. Я должен поймать его сам. И я докажу всё, что нужно.

Громов сомневался. Шакал видел это по его лицу. Но в конце концов он кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Два дня. Но после этого ты докладываешь мне всё, что знаешь. И если ты что-то скрываешь — я тебя уничтожу.

— Спасибо, товарищ полковник, — сказал Шакал и вышел.

В коридоре его догнал Жека.

— Шакал, я хочу с тобой поговорить, — сказал он, хватая его за руку.

— О чём?

— Я видел, как вчера вечером в твой кабинет заходил Громов. Он что-то искал. Я не знаю, что именно, но я подумал, что тебе стоит знать. Он может быть связан с этим Селивановым.

Шакал остановился как вкопанный.

— Ты уверен?

— Я видел своими глазами, — сказал Жека. — Он открыл твой сейф. Я не знаю, как он узнал код, но он взял оттуда флешку. Я не стал вмешиваться, но подумал, что ты должен знать.

Шакал почувствовал, как земля уходит из-под ног. Громов. Его собственный начальник. Он взял флешку. Значит, он либо работает на Максима, либо сам хочет получить данные проекта «Нейтрон». И то и другое означало, что Шакал больше не может доверять никому в управлении.

— Спасибо, Жека, — сказал он, сжимая руку напарнику. — Ты спас меня.

— Я ничего не спасал, — ответил Жека. — Просто будь осторожен. Здесь каждый может быть врагом.

Шакал вышел из управления, сел в машину и поехал к дому Громова. Он знал адрес начальника — помнил, потому что когда-то возил туда документы. Он должен был проверить, есть ли там следы флешки или связь с Максимом.

Дом Громова был двухэтажным, с высоким забором. Шакал припарковался неподалёку, вышел и стал наблюдать. Он

ждал полчаса, пока из ворот не выехала машина — чёрный внедорожник, похожий на тот, что был у Максима. Шакал понял: это не случайность.

Он поехал за ним, держась на расстоянии. Внедорожник направился в сторону промзоны, к старому заводу, где когда-то был филиал НИИ. Шакал понял: это логово Максима. И Громов, возможно, направлялся туда.

Он сбросил скорость, чтобы не быть замеченным. Если Громов и Максим встретятся, это будет ключевой момент. И если он сможет записать их разговор, то получит доказательства, которые заставят их сдаться.

Он подъехал к заводу, припарковался в кустах и стал ждать. Он не знал, чем закончится эта ночь, но знал, что у него нет другого выхода.

Игра вступала в новую фазу. Шакал был готов к любой развязке.

Глава 7. Завод

Завод стоял на окраине промзоны, окружённый ржавыми заборами и колючей проволокой. Когда-то здесь выпускали детали для подшипников, но лет пятнадцать назад производство закрыли, и здание превратилось в призрак — пустое, гулкое, с выбитыми окнами и облупившейся краской. Теперь оно служило убежищем для бомжей, наркоманов и тех, кто хотел остаться незамеченным. Шакал знал это место — когда-то он приезжал сюда по делам о кражах цветных металлов. Тогда здесь было оживлённо, но сейчас царила полная тишина, нарушаемая лишь ветром, который завывал в разбитых стёклах.

Чёрный внедорожник въехал на территорию через пролом в заборе и остановился у главного входа. Шакал видел, как из машины вышел Громов, огляделся и скрылся в тёмном проёме двери. Он подождал несколько минут, пока стало ясно, что начальник не собирается возвращаться, и бесшумно двинулся к забору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.